

В.Л. Андрианов*

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ КИТАЯ В АТР: ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ

Укрепление национального суверенитета Китая, его экономического и военно-политического потенциала оказывает всестороннее и все более отчетливое влияние на динамику развития и соотношение сил как на региональном уровне – в Восточной Азии, так и в мире в целом. Стремительное «возвышение» КНР вызывает серьезную обеспокоенность политических элит и деловых кругов не только в сопредельных с Китаем странах, но и в других государствах мира, в первую очередь в США. Инициация администрацией Б. Обамы внешнеполитического курса на «возвращение в Азию» ставит целый ряд вопросов. Как Китай отреагирует на новые вызовы? Каковы потенциал и пределы расширения китайского влияния в регионе и насколько высока вероятность создания в АТР системы безопасности на основе антикитайского альянса? Данная статья призвана дать ответы на эти и некоторые другие вопросы, связанные с местом и ролью КНР в «Средиземноморье XXI века».

Ключевые слова: Китай, АТР, «АСЕАН + 1», американо-китайские отношения, китайско-японские отношения, интеграционные процессы, региональная безопасность.

Превращение Китая в нового игрока «первого уровня» сегодня практически ни у кого не вызывает сомнений. Однако вопрос о том, какие долгосрочные последствия будет иметь «возвышение» КНР для региональной и глобальной систем международных отношений, остается предметом ожесточенных дебатов.

Первым регионом, где Китай бросил вызов доминированию Соединенных Штатов Америки, стала Восточная Азия. На протяжении последнего десятилетия здесь происходят заметная интенсификация политического и торгово-экономического взаимодействия Китая со странами АСЕАН, Южной Кореей и Японией, масштабное наступление китайского капитала, увеличение воздействия «мягкой силы» КНР.

Однако существует ряд обстоятельств, способных сдержать процесс расширения сферы влияния Китая в регионе. Одно из наиболее серьезных – взаимные территориальные претензии КНР

* *Андрианов Виктор Львович* – к.и.н., доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (e-mail: vikand@yandex.ru).

и отдельных государств АТР с перспективой возможного вовлечения в этот конфликтный узел Вашингтона, стремящегося, по убеждению китайских властей, ограничить усиление региональных позиций Поднебесной. Прогнозируемое вмешательство США в территориальный спор в акватории Южно-Китайского моря стало реальностью с началом реализации Вашингтоном инициированного Б. Обамой внешнеполитического курса на «возвращение в Азию», что ставит перед экспертным сообществом целый ряд вопросов. Как Китай отреагирует на новые вызовы? Каковы потенциал и пределы расширения китайского влияния в регионе и насколько высока вероятность создания в АТР системы безопасности на основе антикитайского альянса? Данная статья призвана дать ответы на эти и некоторые другие вопросы, связанные с местом и ролью КНР в «Средиземноморье XXI века».

В период «холодной войны» в Восточной Азии сохранялся баланс сил между тремя великими державами — Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. Распад СССР в начале 1990-х годов способствовал укреплению позиций в регионе как США, единственной глобальной «сверхдержавы», так и Китая. В последние годы в Восточной Азии формируется новая система координат с китайским и американским центрами силы. Этот процесс протекает на фоне быстрого экономического роста стран региона и сопровождается увеличением военных расходов и повышением уровня национальных амбиций, необходимость удовлетворения которых обостряет имеющиеся в АТР противоречия.

Среди них можно выделить четыре главные группы:

а) противоречия между отдельными государствами: США и КНР; Японией и КНР — в области военного и оборонного строительства и территориальной принадлежности островов Сенкаку (Дяюйдао); двумя корейскими государствами; а также участниками ряда территориальных споров в регионе (например, в Южно-Китайском море, где на шельф архипелага Спратли, богатого полезными ископаемыми, претендуют сразу несколько государств: Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Тайвань) и др.;

б) противоречия между группами стран: государствами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии в подходах к проблемам безопасности, инвестиционной политики и т.п.;

в) противоречия межцивилизационного характера, возникающие в отношениях США и европейских стран, с одной стороны, и государств «Большой Восточной Азии» — с другой, которые наи-

более четко прослеживаются в подходах к правам человека, созданию новой системы международных отношений и ряду других проблем.

Поскольку в АТР входят четыре великие державы (США, Россия, Китай и Япония), обладающие влиянием в глобальном масштабе, последствия возникновения кризисных ситуаций здесь могут приобретать не только региональный, но и общемировой характер. Этим и предопределяется особая роль региона в системе международных отношений. Можно спорить о степени асимметричности этой системы, той доле влияния, которой обладает сегодня или будет обладать завтра единственная «сверхдержава» — США. Однако нельзя отрицать и того факта, что состояние международных отношений в «азиатской половине мира», особенно в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, в высокой степени структурируется скоростью и направлением развития Китая, а также мировидением этой страны.

В новой расстановке сил в Восточной Азии КНР занимает прочные позиции. Экономика Китая продолжает показывать наиболее высокие темпы роста среди остальных стран региона. Достаточно заметить, что около половины мирового прироста ВВП в 2008–2011 гг. пришлось на КНР [19, с. 24].

Кроме того, в отличие от Японии, своего потенциального конкурента и соперника в регионе, Китай располагает собственными природными ресурсами, достаточными для того, чтобы самостоятельно поддерживать устойчивый экономический рост и обеспечивать стратегическую независимость.

Еще одной сильной стороной стратегического потенциала Китая как второго центра силы в Восточной Азии является емкость внутреннего рынка. При условии, что страна сохранит темпы развития в ближайшей и среднесрочной перспективе, покупательная способность населения будет возрастать, а это значит, что КНР сможет снизить свою зависимость от экспорта. Внутренний рост в Китае имеет огромный потенциал. В ближайшие 20 лет около 200–250 млн человек переедут из сел в города (в 2006 г. городское население страны впервые в истории превысило сельское). «Национальный доход будет распределяться в Китае более широко, формируя весьма заметный, численностью 300–500 миллионов человек, средний класс, представители которого будут больше тратить на потребление, чем крестьяне в селах. Мигранты из села будут пополнять пул рабочей силы и создавать спрос на городскую инфраструктуру — от школ и больниц до транспорта и социальных служб. Все это означает, что китайский рост и политика правительства КНР будут в более значительной степени фокусироваться на качестве развития, на его внутренней составляющей. В допол-

нение к сокращению социально-экономического неравенства и борьбе с деградацией окружающей среды целью китайского роста станут более доступные социальные услуги для мигрантов из села, повышение эффективности использования ресурсов и переориентация местного управления с промышленного производства на сферу услуг» [22].

Отметим, что развитие внутреннего рынка для Китая – это и путь к снижению зависимости от США: закрытие американского рынка может разрушить сложившуюся в КНР за последние 30 лет экономическую модель, ориентированную на экспорт. Соединенные Штаты, в свою очередь, тоже пытаются снизить зависимость от Китая и активно ищут новых партнеров в Тихоокеанском регионе с дешевой рабочей силой, а также расширяют сферу своего взаимодействия с Индией. Позволим себе предположить, что в этом переформатировании логики хозяйственных связей между двумя крупнейшими экономиками мира – США и КНР – и заключается корень всех военно-политических проблем, которые мы наблюдаем в АТР в последнее время.

Во втором десятилетии XXI в. Китай сталкивается и с рядом вызовов, имеющих колоссальное значение для внутреннего развития страны, таких как выбор направления и темпов политической реформы; обеспечение стабильного экономического роста, требующее реализации крупномасштабных и капиталоемких проектов; необходимость решения экологических и демографических проблем, включая эмиграцию; поддержание суверенитета и территориальной целостности страны и одновременно обеспечение региональных интересов, особенно в контексте сепаратистских тенденций в Тибете и Синьцзяне, а также ситуации в Тайваньском проливе.

Пути решения этих внутренних проблем, несомненно, влияют на место КНР в регионе и в мире. Однако обладание комплексом благоприятных факторов по сравнению с другими великими державами Восточной Азии делает современный Китай признанным континентальным центром силы в регионе, который объективно располагает всеми необходимыми условиями, гарантирующими ему политическую, экономическую и стратегическую независимость.

Динамика развития китайской экономики и национального военно-промышленного комплекса дает основание предполагать, что силовой потенциал КНР и впредь будет только прирастать, и в ближайшие 10–15 лет страна сможет на равных вести диалог с США не только на региональном, но и на глобальном уровне, тем более что уже в начале XXI в. КНР при всем прагматизме ее лидеров занимала позиции единственной великой державы Восточной

Азии, способной помешать любым внешним силам нарушить сложившийся в регионе статус-кво.

В последние годы эта способность существенно возросла: оборонный бюджет Китая фактически удвоился.

Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований в КНР: в 2010 г. они составили около 78 млрд долл. (годовое увеличение — 7,5%), однако в 2011 г. возросли на 12,7% — до 91,5 млрд долл., что составляет 6% расходной части бюджета страны [9, с. 53].

Отметим, что, по мнению большинства аналитиков, в последние годы реальные военные расходы Китая в среднем на 40% превышают официальные [9, с. 54].

В 2010 г. реальные военные расходы США составили 698 млрд долл., Китая — 119 млрд долл. Для сравнения: военные расходы других стран за тот же период составили (млрд долл.): Японии — 53, России — 42, Индии — 29, Южной Кореи — 29 [33]. Таким образом, по объему реальных военных расходов Китай занимает второе место в мире после США.

За 2000-е годы и особенно за время кризиса китайцы не только серьезно упрочили свои позиции в экономиках стран региона, но и стали усиливать военную и политическую составляющие своего влияния в Восточной Азии. Так, демонстрируя свою мощь, в прошлом месяце китайские военные, по данным государственных СМИ, создали определенный научно-технический задел по разработке новой мобильной твердотопливной МБР «Дунфэн-41» с дальностью полета 12 000–14 000 км. Ракета будет оснащаться комплексом средств преодоления системы ПРО [6, с. 40]. Ведутся работы по модернизации баллистической ракеты морского базирования «Цзюйлан-2» (JL-2) с дальностью стрельбы 8000 км, предназначенной для вооружения стратегических атомных ракетных подводных лодок второго поколения типа «Цзин» (проект 094) [30].

В рамках модернизации ВМС Китай ведет разработку авианосца. В целях изучения опыта постройки корабля такого класса осуществлена закупка нескольких авианосцев, выведенных из состава ВМС различных стран, включая австралийский авианосец «Мельбурн», советские тяжелые авианесущие крейсера «Варяг», «Минск» и «Киев». Всего Китай намерен построить 4–6 авианосцев, которые смогут вступить в строй в 2015–2020 гг. [9, с. 53]. Согласно японским оценкам, в 2014 г. возможен спуск на воду головного китайского авианосца водоизмещением 50–60 тыс. тонн с обычной силовой установкой, а в 2020 г. — с атомной силовой установкой. Предполагается, что корабли будут введены в состав Южного флота и базироваться на военно-морской базе Санья (южная оконечность о. Хайнань).

Отчасти поэтому на сегодняшний день можно констатировать своего рода рост милитаризации региона. За 2011 г. оборонные бюджеты стран Юго-Восточной Азии выросли в общей сложности примерно на 13,5%.

При оценке степени внешней военной угрозы китайцы исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовыми к любому изменению международной обстановки, в том числе в неблагоприятном для КНР направлении. Состояние дел в сфере безопасности, согласно китайским взглядам, характеризуется сложностью и противоречивостью. Наряду с тем, что доминирующими тенденциями в отношениях между странами остаются мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания традиционных и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время помимо терроризма, сепаратизма и экстремизма вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций. Согласно Белой книге по вопросам национальной обороны КНР (2008), страна стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности. Китай зависит от импорта энергоносителей и не скрывает, что хочет держать под контролем пути их доставки [3].

Вместе с тем Пекин не без оснований называет свою национальную политику в области безопасности оборонительной по природе. Несмотря на периодически звучащие воинственные заявления, Китай, в отличие от стран НАТО и США, в последние несколько десятилетий не отправлял войска за границу и ни с кем не воевал.

Тем не менее усиление КНР вызывает большое беспокойство у заинтересованных государств АТР. Примечательно, что наиболее острые дискуссии по данной проблеме развернулись в США, отделенных от азиатского материка не одной тысячей километров океанского пространства. Во многом это связано с поднятой американскими учеными проблемой «китайской угрозы» — осознанием того, что рост политической, экономической и военной мощи КНР будет представлять крупномасштабную региональную угрозу интересам США в последующие 10–20 лет.

В целом силовой потенциал Китая в новой системе отношений в Восточной Азии уравнивается только стратегической мощью Соединенных Штатов, которые, хотя географически и не являются частью региона, располагают здесь огромным военно-морским потенциалом. После распада Советского Союза и ослабления Военно-морского флота России Америка приложила большие усилия для того, чтобы укрепить свои стратегические позиции как ве-

ликой морской державы в западной части Тихого океана. Важнейшими задачами США в XXI в. являются сохранение влияния на Японию и замедление возвышения Китая. Вашингтон стремится не допустить превращения КНР в регионального лидера той части планеты, которая обещает быть центром мирового экономического развития. Вместе с тем не секрет, что американская и китайская экономики тесно связаны между собой: Соединенные Штаты являются крупнейшим потребителем китайского экспорта, а в КНР переносятся многие производства из США. Кроме того, Пекин владеет крупнейшим пакетом американских гособлигаций, что является дополнительным фактором, осложняющим для Вашингтона разработку стратегии взаимодействия с Поднебесной.

В современной американской политологии и политическом истеблишменте выделяются два направления, каждое из которых предлагает свой рецепт взаимодействия с Китаем. Приверженцы концепции «вовлечения» (engagement) утверждают, что можно нейтрализовать КНР, развивая конструктивные двусторонние отношения и стимулируя ее вхождение в региональные и глобальные структуры [11, с. 156]. С. Бреслин выражает суть этой концепции следующим образом: для предотвращения увеличения совокупной мощи Китая необходимо содействовать его вступлению в различные международные организации, которые фактически находятся под контролем транснациональных корпораций и США, чтобы «повязать» страну принятыми в них правилами игры [25, р. 214].

Стратегия вовлечения предполагает формирование системы политических и экономических коммуникаций между Пекином и Вашингтоном, позволяющих сглаживать неизбежную конкуренцию и переводить возникающие противоречия в диалоговый режим. Одной из переговорных площадок такого рода является АТЭС, которое способствует диалогу американского и китайского бизнеса. Кроме того, США поддерживают развитие АСЕАН – региональной площадки для координации решения экономических и политических проблем АТР, в которую входят региональные союзники Вашингтона.

Осознавая неготовность КНР встраиваться в предлагаемую США модель, приверженцы политики «сдерживания» (containment) исходят из принципиально других позиций [11, с. 172]. Они убеждены, что «баланс сил» в Восточной Азии исключительно нестабилен, а главным дестабилизирующим фактором в регионе является именно Китай, который можно и необходимо сдерживать различными политическими и экономическими средствами, препятствуя усилению его военно-политического влияния. В качестве необходимых мер называются подавление экономического роста КНР, ее политическая дестабилизация путем стимулирования цент-

робежных тенденций, способных привести к развалу единого государства, и др. [24, р. 29].

Политика США в отношении Китая при администрации Б. Обамы сочетает элементы обеих концепций. Сначала (в 2009 г.) Белый дом попытался сделать акцент на «вовлечении», предложив устами советника президента США Збигнева Бжезинского формулу «G2» («Большая двойка»), предполагавшую более тесное сотрудничество двух держав и фактическое разделение ответственности за глобальную безопасность [29]. Однако КНР отказалась от данной формулы, сославшись на приверженность принципу многополярного мира и продемонстрировав свое желание сохранить широкую автономию.

Реагируя на это, Вашингтон публично объявил о начале реализации доктрины «возвращения в Азию». В своей речи, произнесенной на саммите АТЭС в Гонолулу в 2011 г., госсекретарь США Х. Клинтон, затрагивая тему «стратегического разворота», пояснила, что американцы хотят в нынешнем столетии навести такие же институциональные мосты через Тихий океан, как те трансатлантические структуры, которые они соорудили в XX в. [23].

В 2011 г. эта доктрина — «Тихоокеанский век Америки» — была обстоятельно изложена госсекретарем в статье, опубликованной в ноябрьском номере журнала «Foreign Policy» [28]. В своем эссе Х. Клинтон, в частности, указала на то, что отныне американская стратегическая активность будет распространена от западных берегов США до Индостанского субконтинента.

В основе доктрины «Тихоокеанский век Америки» лежит обеспокоенность Соединенных Штатов совокупным ростом Китая и обострением территориальных споров в Восточной Азии. Фактически США пытаются заставить страны региона создать некий механизм, институт для урегулирования взаимных территориальных претензий, который позволил бы американцам решить сразу две проблемы. Во-первых, он бы стал гарантией того, что ни один из этих территориальных конфликтов не перерастет в настоящую войну, которая по цепочке вызовет обострение других региональных конфликтов и станет причиной серьезного кризиса в мировой экономике. Во-вторых, институт коллективной безопасности мог бы играть сдерживающую роль в отношении Китая.

Реализация доктрины предполагает несколько компонентов. Первый — укрепление системы двусторонних связей с дружественными государствами АТР, в первую очередь с теми, которые либо заинтересованы в росте своего регионального влияния (Австралия), либо испытывают потребность во внешних гарантиях безопасности (Филиппины). К обеим категориям относится и не являющийся пока формальным союзником США Вьетнам. В эту систему вклю-

чаются также Япония, Южная Корея, Новая Зеландия, Сингапур и Тайвань. Второй компонент – наращивание американского военного присутствия в регионе. Помимо усиления собственных баз ВМС в Австралии и на Филиппинах, а также сохранения военного альянса с Японией и Южной Кореей США поставляют оружие своим союзникам, в том числе Тайваню, что вызывает особенное раздражение у Пекина. В Вашингтоне также прорабатывают варианты создания системы ПРО в Тихом океане.

Решение администрации Б. Обамы о «возвращении» США в Восточную Азию, осуществляемом с опорой на традиционные военно-политические инструменты, со всей остротой вновь поставило вопрос о будущем китайско-американских отношений и вероятности полномасштабного конфликта между двумя державами. Первые симптомы такого конфликта можно увидеть в активном вмешательстве Соединенных Штатов в территориальные споры КНР с государствами АСЕАН в Южно-Китайском море.

Однако реакция Пекина на возникающие в Азии геополитические вызовы и его прогнозы относительно развития ситуации оказываются значительно более спокойными и взвешенными, чем голоса отдельных зарубежных аналитиков.

Во-первых, представляется, что в Пекине понимают логику внешнеполитического поведения американцев. В КНР осознают, что в предвыборный год, уходя из Афганистана и сокращая свое военное присутствие на Ближнем Востоке, администрации Б. Обамы необходимо продемонстрировать дипломатические успехи в другом ключевом регионе мира.

Во-вторых, Китай скептически оценивает шансы США на реализацию их новой региональной внешнеполитической стратегии. Китайские исследователи излагают следующие объективные трудности, которые могут возникнуть у Вашингтона: противоречия с Россией по строительству системы ПРО в Европе и «сирийскому вопросу»; потребность по-прежнему активно участвовать в процессах переустройства Ближнего Востока; дальнейшее обострение отношений с Пакистаном и их влияние на урегулирование в Афганистане [17].

Все это, как считают в Пекине, будет отвлекать внимание США от АТР, а гигантский дефицит американского бюджета, несмотря на все заявления Белого дома, неизбежно приведет к сокращению военных расходов, особенно в условиях, когда американская экономика все еще выбирается из тисков финансово-социального кризиса и колоссального государственного долга, который уже превышает ВВП. Безусловно, это не может не сказаться на дорогостоящих планах расширения военно-стратегического присутствия в АТР, модернизации баз и опорных пунктов.

На этом список препятствий на пути реализации стратегии «Тихоокеанский век Америки», осознаваемых в Пекине, не ограничивается.

Понимая, что создать в Восточной Азии общерегиональную систему безопасности крайне сложно, США делают ставку на АСЕАН, а также Японию. Превращение АСЕАН из экономической структуры в полноценный блок не только лишило бы Китай возможности навязывать свою волю странам региона, но и решило бы для Вашингтона ряд других проблем, связанных с угрозой эскалации территориальных конфликтов. Японию же в США рассматривают в качестве важнейшего противовеса КНР в Восточной Азии.

Однако отношение к Китаю в регионе далеко не столь однозначное, и в самой КНР это хорошо знают. Дело в том, что развитие азиатского регионализма в начале XXI в. фактически продолжалось без США, которые, решая внешнеполитические задачи на Ближнем Востоке и в Афганистане, игнорировали формировавшуюся систему многостороннего сотрудничества, несмотря на фундаментальный характер своего военно-политического и экономического присутствия в АТР, не считая ее эффективным способом взаимодействия с региональными участниками.

Позиции Китая в многосторонних региональных процессах, напротив, значительно усилились, что позволило КНР существенно потеснить США как в экономическом, так и в политическом плане. Это стало результатом поступательной реализации Китаем комплексной региональной стратегии по осуществлению превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание вокруг него благоприятных условий и уменьшение факторов нестабильности.

Пекин придавал большое значение развитию сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами региона, где стремится занять лидирующее положение. В 2004 г. Китай подписал Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, в котором подтвержден принцип решения спорных вопросов в отношениях между КНР и АСЕАН мирными средствами. В 2005 г. ШОС, АСЕАН и СНГ подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Вслед за этим в мае 2006 г. по предложению Пекина в Китае состоялся региональный форум АСЕАН по проблемам политики в сфере безопасности, на котором было достигнуто соглашение о взаимном обмене между КНР и АСЕАН наблюдателями на военных учениях. В августе того же года Китай и АСЕАН договорились о сотрудничестве в борьбе с морским пиратством. В целом в результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить в них влияние мифа о «ки-

тайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии.

Ситуацию в отношениях с соседними странами в КНР оценивают как благоприятную. В 2008 г. завершено юридическое оформление российско-китайской государственной границы на всем ее протяжении. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно – Соглашения о границе на ее Восточной части (1991), Соглашения о границе на ее Западной части (1994), Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (2004) и Дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее Восточной части (2008), государственная граница между двумя странами была определена на всем ее протяжении.

В отношениях Китая с Индией, несмотря на наличие спорных территорий общей площадью 130 тыс. км² в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по «линии МакМагона» на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш, преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке» (2008) стороны приняли обязательство «...путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» [21].

Выдвигая в качестве основ стратегии национальной безопасности создание мирного окружения по периметру своих границ и обеспечение благоприятных условий для внутреннего развития, а также зафиксировав во внешнеэкономических приоритетах задачу диверсификации экономических связей с традиционными партнерами по региону из числа развивающихся стран, Китай не мог не уделять особого внимания происходившим в АТР экономическим интеграционным процессам.

С начала 1990-х годов в китайской политологии стал формироваться взгляд на АТР не просто как на совокупность государств, объединенных исключительно по принципу географической принадлежности, но как на определенную экономико-географическую и политическую категорию, обозначающую сообщества стран, которых объединяют высокие темпы экономического роста [8]. Китайские исследователи постоянно отмечают большую роль КНР в развитии регионального экономического взаимодействия, подчеркивая, что Поднебесная, «являясь самой большой развивающейся социалистической страной тихоокеанского побережья, обладая обширной территорией, многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, играет надлежащую активную роль в развитии добрососедского сотрудничества в регионе» [5].

С точки зрения Китая, в Восточной Азии началось формирование нового обширного экономического пояса, центром которого является Гонконг, компонентами – Китай, Япония, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии и Дальний Восток России [27, р. 422].

Китайские ученые едины во мнении, что ядро тихоокеанского экономического взаимодействия должно составить сотрудничество стран «третьего мира» [13]. С одной стороны, тесному сотрудничеству с этими странами благоприятствуют географическая близость, удобное транспортное сообщение, традиционные связи в социально-культурной и экономической сферах. С другой стороны, в рамках курса руководства КНР на диверсификацию внешне-экономических связей Пекин стал уделять развивающимся странам АТР все больше внимания: их рынки поглощают большое количество китайских экспортных товаров, развивающиеся страны стали для Китая важными источниками капиталов и сравнительно передовых технологий. Кроме того, в КНР, очевидно, не без основания надеялись усилить свои позиции в отношении с развитыми странами, облегчить условия для нажима на них в целях получения дополнительных уступок.

На наш взгляд, изменение позиции КНР во многом было связано еще и с тем, что кризис 1997–1998 гг. продемонстрировал взаимозависимость всех стран Восточной Азии. В условиях крайней необходимости для Пекина поддерживать высокие темпы экономического роста любые изменения в регионе непосредственно сказываются на внутреннем развитии страны. Китай сравнительно легко справился с последствиями прошедшего финансового кризиса, но его повторение (а основания для этого, по мнению некоторых исследователей, есть) может нанести весьма ощутимый удар по экономике КНР.

В итоге в последние десятилетия в Восточной Азии образовались группировки с сильным влиянием Китая и без участия США: «АСЕАН + 1» (Китай), «АСЕАН + 3» (Китай, Япония, Южная Корея), «АСЕАН + 6» (Восточноазиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), треугольник на высшем уровне в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). КНР заняла место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня.

На практике новая роль Китая в регионе ясно прослеживается на примере создания зоны свободной торговли (ЗСТ) с АСЕАН.

Экономики государств этой группировки, объединяющей 10 стран Юго-Восточной Азии и Индокитая, всегда были ориентированы на экспорт. Ослабление таких экономических гигантов, как США

и Япония, а также нарастающее экономическое могущество КНР подталкивают некогда весьма динамичную, а ныне экономически и политически «потускневшую» Ассоциацию к поискам «спасательного круга», поэтому страны АСЕАН с энтузиазмом восприняли предложенную Китаем в Сингапуре в 2000 г. идею создания общей ЗСТ, официально закрепленную на состоявшихся в султанате Бруней (сентябрь 2001 г.) и Камбодже (ноябрь 2002 г.) встречах в верхах по формуле «АСЕАН + 1». Спустя 8 лет основные задачи провозглашенной программы были фактически реализованы, и с января 2010 г. ЗСТ между Китаем и АСЕАН начала функционировать [32, p. 16].

Весьма любопытно, что если раньше АСЕАН задавала тон идеям и инициативам в деле региональной интеграции, то теперь проект реализуется по настоянию Китая, а не АСЕАН, которая оказывается ведомой, а не ведущей силой.

Однако было бы ошибкой говорить об одностороннем экономическом интересе КНР к региону. К началу 1990-х годов для многих стран АТР стало ясно, что Китай на международной арене быстро утверждается не только как политический, но и как экономический центр. Торговать и осуществлять с КНР совместные научно-технологические проекты стало выгодно и престижно. Важнейшая задача для государств АТР — развитие экономического сотрудничества с Китаем. Само собой разумеется, что наиболее эффективным каналом налаживания таких связей, особенно для стран Юго-Восточной Азии, являются зарубежные китайские общины.

Кроме того, кризисные процессы в мировой экономике заставили многих региональных игроков по-новому взглянуть на механизмы регионального взаимодействия. Несмотря на то что некоторые восточноазиатские страны смогли пережить глобальный кризис относительно безболезненно, региону требовалась надежная система финансово-экономического сотрудничества, способная предотвратить влияние будущих катаклизмов.

Элементы такой системы частично начали формироваться после азиатского кризиса 1997–1998 гг., но по итогам 2008–2009 гг. были существенно изменены и дополнены новыми механизмами. Они включали надзор за экономической ситуацией, развитие рынков азиатских бондов, создание инструментов финансовой поддержки посредством придания Чиангмайской инициативе многостороннего характера, дискуссии о введении новой резервной валюты.

Стоит отметить в этой связи, что региональное азиатское сотрудничество в валютной сфере развивается более высокими темпами, чем в области торговли, в то время как в рамках других региональных организаций, например Европейского союза, все

происходило наоборот: сначала был создан Таможенный союз и только потом проведена валютная интеграция. Вместе с тем в Восточной Азии понимают, что это предварительные меры, и в дальнейшем неизбежен переход стран региона на использование в расчетах более стабильного денежного эквивалента. Как же собираются рассчитывать между собой страны Восточной Азии? Раньше для этого использовали доллар, но уже очевиден претендент, готовый предложить региону свою валюту. Это Китай (и связанные с ним китайские территории — Гонконг и Тайвань), сохранивший стабильность в условиях кризиса.

По мнению отдельных экспертов, «китайцы учли опыт США по превращению доллара в мировую резервную валюту, осознали связанные с этим преимущества и намерены превратить юань в региональную резервную валюту Юго-Восточной Азии, завершив тем самым процесс переориентации стран этого региона с США на Китай» [7, с. 59]. Доля КНР в экспорте стран Восточной Азии постоянно растет, следовательно, повышается и значение китайского юаня в валютной системе региона. Таким образом, полагают китайские ученые, в скором времени в «валютной корзине», к которой будут привязаны курсы валют восточноазиатских стран, китайский юань сможет занять лидирующее положение [15, с. 41].

23 марта 2009 г. председатель Банка Китая Чжоу Сяочуань опубликовал концепцию замены доллара как глобальной резервной валюты новыми «международными деньгами» на основе эмитируемых Международным валютным фондом SDR, поддержав идею, ранее выдвинутую Россией [20].

КНР стремится по возможности дедолларизировать свою внешнюю торговлю, заключив серию соглашений о валютных свопах со своими торговыми партнерами, включая Аргентину, Белоруссию, Южную Корею, Малайзию, Индонезию.

В общей сложности за 2009–2010 гг. государственные кредитные организации Китая (China Development Bank и China Export-Import Bank) выдали правительствам и компаниям развивающихся стран кредиты на сумму как минимум 110 млрд долл., причем речь идет исключительно о тех займах, которые были официально подтверждены китайской стороной либо реципиентами этих средств, а реальные объемы выданных кредитов выше [2]. Такая политика еще более способствует переходу развивающихся стран на юани в оплате китайских товаров.

Использование юаня могло бы стимулироваться наличием у КНР своей «бамбуковой» сети в Азии — китайской диаспоры, фактически контролирующей экономики большинства стран региона, а также уникальной взаимодополняемостью отдельных элементов «китайского экономического пространства». Существенно, что эле-

менты китайской экономики располагают большими финансовыми резервами в преддверии надвигающихся трансформаций в регионе.

Китайский бизнес обладает значительным производственным потенциалом и опытом управления (Тайвань), развитым маркетингом и сферой обслуживания (Гонконг), обширной сетью коммуникаций (Сингапур), финансовым капиталом, технологиями, ресурсами и рабочей силой (КНР). Китайские системы связей показали себя более гибкими и конкурентоспособными, чем региональные производственные сети, возглавляемые Японией. Относительно небольшой размер этнических китайских фирм препятствовал завоеванию ими твердых конкурентных позиций в капиталоемких отраслях (автомобилестроении, судостроении, сталелитейной промышленности), однако в эпоху информационного развития небольшие китайские компании оказываются более эффективными, чем японские и корейские. Основным их преимуществом является быстрое принятие решений [31].

Япония, постоянно занятая своими внутренними проблемами и имеющая опыт доминирования в регионе, оставивший глубокий след в памяти населяющих его народов, воспринимается там с большими оговорками. Для китайцев, составляющих костяк финансово-экономической структуры Восточной Азии, Япония остается закрытой страной, а ее язык – иностранным языком для народов региона, в то время как китайский является родным для более чем 50 млн хуацяо, проживающих в ЮВА и других районах мира. Высокая уязвимость планов по созданию зоны иены в Азии определяется, конечно, и тем, что до сих пор Япония, несмотря на свой статус великой экономической державы, является обществом, подверженным чужой гегемонии. Это проявляется и в том, что Токио не смог выдвинуть какую-либо собственную альтернативу американской концепции АТР, кроме национального и расового превосходства, ведь даже рецепт «японского экономического чуда», которым воспользовались многие страны региона, на деле означает лишь «пристраивание» национальной экономики к экономике США.

В контексте сказанного вряд ли стоит удивляться, что гамма чувств, испытываемых по отношению к Китаю азиатскими соседями, на которых собирается опереться Вашингтон, двойственна и противоречива. Это касается как самой Японии – важнейшего союзника США, так и «регионального ядра» – стран АСЕАН.

Начнем с Японии. С одной стороны, растущая мощь КНР усиливает чувство неопределенности японцев в отношении геополитического будущего их страны. Для многих японцев Китай – традиционный соперник, бывший враг и потенциальная угроза стабильности

в регионе. Сегодня Токио весьма озабочен появлением в лице КНР опасного военно-политического противника и экономического конкурента, к тому же не забывшего прошлые (весьма многочисленные) обиды. В 2010 г. Китай оттеснил Японию как экономическую державу со второго места в мире, которое она занимала с 1968 г., на третье. Правда, это касается лишь абсолютных размеров ВВП, в пересчете же на душу населения в КНР этот показатель составляет всего 1/10 часть японского [10].

Уже с начала 1990-х годов Токио начал откровенно говорить о том, что Китай представляет угрозу стабильности Восточной Азии и безопасности Японии. Сильную озабоченность у японцев вызвало и осознание того факта, что КНР могла бы и без участия Японии взять на себя лидерство в Восточной Азии.

Отношения Пекина и Токио действительно остаются очень сложными. Китай выступает против постоянного членства Японии в Совете Безопасности ООН, совместного с США участия ее в развертывании системы противоракетной обороны на театре военных действий (ПРО ТВД), видя в этом угрозу своей политике «военного сдерживания» независимости Тайваня.

В 2006–2009 гг. Пекин проявил активное стремление вовлечь Японию в более глубокое и широкое сотрудничество на двустороннем и региональном уровнях, что было воспринято в Вашингтоне с настороженностью — как угроза отхода Токио от союзнических обязательств по японо-американскому договору безопасности, имеющему задачу «сдерживания» Китая. США сохраняли эффективный ресурс для оказания воздействия на политику Японии и им воспользовались. Не без американского влияния ушел досрочно в отставку в июне 2010 г. премьер-министр Ю. Хатояма, намеревавшийся проводить «сбалансированный курс в отношении США и Китая», строить «более равноправные союзнические отношения с США».

Новое руководство Японии проявило готовность «скорректировать» внешнеполитическую стратегию, сделав упор на улучшение японо-американских отношений. Как справедливо отмечают российские эксперты, добиться этого без одновременного ухудшения отношений с Китаем было невозможно. Новое их обострение произошло в сентябре 2012 г. после инцидента в районе островов Сенкаку (Дяюйдао), суверенитет на которые страны оспаривают. 14 сентября 2012 г. в пределы 12-мильной зоны, окружающей указанный острова, вошла группа из шести кораблей, принадлежавших службе морского наблюдения Китая.

Впервые сразу шесть судов водоизмещением от 1 до 3 тыс. тонн (т.е., по классификации ВМС, сторожевые корабли, а не пограничные катера), принадлежавшие полувоенному правительствен-

ному агентству КНР, вторглись, как полагают в Японии, в ее территориальные воды. Ранее в эти воды вблизи необитаемых островов, контролируемых Японией, заходили в основном китайские «рыбаки» или активисты, которых японские пограничники старались выдворить, не прибегая, по возможности, к грубой силе. Во всех подобных случаях официальный Пекин заявлял Токио протесты, исходя из того, что китайское правительство считает острова своей территорией, а значит, граждане КНР имеют полное право ее посещать. Однако всего за несколько дней до этого случилось то, что и стало истинной причиной инцидента. Пекин сделал этот решительный шаг в ответ на национализацию трех из пяти островов группы Сенкаку, которые японское правительство выкупило у частного владельца за 2,05 млрд иен (около 26 млн долл.) [18].

Эта операция, имевшая большой резонанс, высветила несколько фактов и обстоятельств, о которых раньше предпочитали не говорить вслух. Оказывается, правительство Японии уже давно арендовало эти острова у владельцев за 25 млн иен в год, что позволяло не допускать на них не только китайских, но и японских «активистов», ибо «возмутителей спокойствия» хватает в обеих странах. Сама по себе идея купли-продажи между некими иностранцами «священной китайской земли» (а тем более – перспектива проведения на ней каких-то строительных работ) вызвала вполне ожидаемую резко негативную реакцию Пекина и способствовала дальнейшему ухудшению двусторонних отношений.

На фоне обострения территориального спора с Японией в китайском Интернете участились призывы к бойкоту японских товаров. Выступления протеста прошли в 85 городах КНР. При этом отмечены попытки погрома японских фирм, а в Пекине толпа пыталась забросать камнями посольство Японии [1]. Крупные японские фирмы Panasonic и Canon были вынуждены на время закрыть свои предприятия в Китае. Напомним, что к экономическим рычагам давления на Японию КНР уже прибегала после столкновения осенью 2010 г. судов обеих стран в районе тех же островов Сенкаку. Тогда на два месяца был прекращен экспорт в Японию китайских редкоземельных металлов, играющих критически важную роль в современных «высоких технологиях».

Напряженность в отношениях двух стран растет, но часть японской элиты продолжает считать, что экономический рост Китая позволит решить проблемы, вызванные затянувшейся стагнацией экономики государства. Действительно, торгово-экономические связи Японии и Китая развиваются весьма интенсивно. Так, в 2010 г. объем торговли между ними вырос на 30% и достиг рекордной отметки в 301,85 млрд долл. [10, с. 173]. Впервые объем тор-

говли Японии с отдельно взятой страной превысил 300 млрд долл. При этом двусторонние сделки имеют весьма сбалансированный характер: японский экспорт в Китай в прошлом году составил 149,09 млрд долл., а импорт – 152,75 млрд долл. [10, с. 173].

Кроме того, КНР предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создав Восточноазиатское сообщество. В условиях мирового кризиса эта идея особенно актуальна для обеих сторон, причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить усилия для заключения соглашения о свободной торговле и экономическом партнерстве по координации процесса создания ЗСТ Восточноазиатского сообщества. Эта идея нашла свое конкретное выражение в развитии трехстороннего интеграционного проекта «КНР – Южная Корея – Япония», т.е. создании китайско-японо-южнокорейской ЗСТ. Так, в рамках данного треугольника 10 октября 2009 г. в Пекине состоялась вторая встреча руководителей трех государств, во время которой были приняты «Совместная декларация 10-й годовщины сотрудничества Китая, Японии и РК» и «Совместная декларация Китая, Японии и Южной Кореи по устойчивому развитию», а также достигнуто соглашение по 10 инициативам в области сотрудничества, подведены итоги трехстороннего взаимодействия за последние 10 лет [16, с. 68].

По сути, активно идет процесс сближения экономик Китая и Японии, занимающих по экономическому потенциалу второе и третье места в мире. Таким образом, обоюдные подозрительность и недоверие по части военных стратегий друг друга между Токио и Пекином на глазах усиливаются на фоне растущей хозяйственной взаимозависимости. Обострение японо-китайских противоречий, безусловно, на руку Вашингтону, и именно поэтому в целях сохранения этой подозрительности он выступил в поддержку японской стороны в конфликте вокруг островов Сенкаку. Преодолеть возникшую в ходе инцидента напряженность в отношениях Токио и Пекина пока не удалось, однако вопрос о том, насколько далеко готова будет зайти Япония в этом противостоянии, остается открытым.

Двойственность характеризует и отношение к Китаю государств АСЕАН.

С одной стороны, они опасаются того, что с рождением обще-китайского экономического колосса не только расширится сфера экономического господства КНР, но и увеличится вероятность внутренней нестабильности в странах Юго-Восточной Азии в результате роста шовинизма среди многочисленных этнических китайцев.

С другой стороны, перспектива появления новой силы в АТР, способной ответить на вызов Запада, вызывает у азиатских народов определенные чувства надежды и солидарности [34]. Эти народы вызрели в тени китайской цивилизации, осознавая свою культурную связанность со «Срединным государством», и остаются привязанными к нему множеством невидимых, но вполне осязаемых нитей (как, например, экономически доминирующей во многих странах ЮВА китайской диаспорой). В этой связи одновременно с нежеланием возвращения прошлой, даже номинальной зависимости от «Срединного государства» они подсознательно признают его исторически детерминированное право на лидерство, понимают важность стабильного и прогрессивного Китая для региона и не намерены предпринимать резкие шаги даже в случае его явно великодержавных устремлений. В этом смысле показательным мнением бывшего министра иностранных дел Республики Корея Ли Сан-Ока: «Долгая история Китая показывает, что он традиционно действует как стабилизатор для поддержания восточноазиатского международного порядка. Полностью разившись и модернизовавшись, Китай, наиболее вероятно, будет продолжать действовать в качестве надежного стабилизатора Восточной Азии на протяжении значительного периода времени» [14].

В итоге, несмотря на значительные усилия Вашингтона, союз против КНР не складывается, во многом из-за противоречий внутри АСЕАН. Значительная часть стран Ассоциации, чьи экономики во время кризиса выжили в том числе благодаря китайским деньгам, не имеет проблем с Пекином и не разделяет желания Филиппин и Вьетнама идти на конфронтацию с КНР ради островов, на которые эти две страны претендуют. Дошло до того, что на последнем саммите АСЕАН даже не было принято итоговое коммюнике. Камбоджа, председатель организации, сорвала процедуру, не желая, чтобы в документе вообще были упомянуты территориальные споры в Южно-Китайском море [4].

В этих условиях успех политики США, направленной на создание на основе антикитайского альянса новой системы безопасности в АТР, вызывает большие сомнения, что и позволяет Китаю рассматривать маневры Вашингтона в Тихом океане спокойно. В Пекине полагают, что американцы умышленно привлекают внимание к территориальным проблемам, желая посильнее напугать страны региона и побудить их искать защиты у Соединенных Штатов.

Понятно китайцам и то, что на фоне нарастания новых кризисных тенденций в мировой экономике АТР выглядит островком «сравнительного процветания», а Белый дом стремится не упустить возможности поправить свое экономическое положение за счет рас-

ширения торговых связей с не потерявшими динамики развития государствами Восточной Азии. Однако вопрос о том, способны ли экономические инициативы, подобные Транстихоокеанскому партнерству, вернуть Соединенным Штатам лидирующие политические позиции в регионе, остается открытым, и в Пекине не склонны преувеличивать вероятность такого развития событий [26].

Дело в том, что форсирование процесса создания Транстихоокеанского партнерства вскрыло два принципиально различных подхода к формированию норм и правил международной торговли в регионе. Эти подходы отражают интересы государств, находящихся на различных уровнях развития. Так, Китай и ряд стран Юго-Восточной Азии, несмотря на бурный рост сферы услуг, относятся, скорее, к группе индустриальных государств, в то время как в США доминируют третичный сектор и инновационная сфера. Как показывает опыт ЗСТ АСЕАН и «АСЕАН + 1», Китай и участники Ассоциации склонны заключать менее сложные по своему характеру соглашения о свободной торговле. Интересам же США, Японии, Южной Кореи отвечают такие договоренности, которые не только позволят внедрять принципы свободной торговли в отношении готовой продукции, но и обеспечат внутригосударственное экономическое регулирование, создадут оптимальные возможности для функционирования сложных производственных цепочек [12]. Такие цепочки нужны странам технологически развитого ядра мировой системы для того, чтобы осуществлять вынос производств без потери инновационного лидерства. Именно поэтому отношение к проекту Транстихоокеанского партнерства «не допущенного» к нему Китая варьирует от сдержанно-вежливого до открыто ироничного. Так, заместитель министра торговли КНР, попеняя участникам проекта на «дискриминационный характер партнерства» и попытку «подменить действующие региональные многосторонние режимы», отметил, что «в целом “Транстихоокеанское партнерство” устанавливает очень высокие стандарты, и нам еще предстоит понять, все ли его члены смогут им соответствовать» [17].

Естественно, в странах Восточной Азии имеются предубеждения и по отношению к Китаю, поскольку существуют опасения по поводу того, что он, достигнув экономической мощи, начнет проводить агрессивную внешнюю политику. Однако в результате кризиса эти сомнения уступили место другим соображениям: неравноправная экономическая политика Запада вполне могла бы содействовать тому, что возникновение блока азиатских государств под руководством Китая воспринималось бы как необходимый ответ на западное давление — средство защиты государств-членов от «перелива» финансовой нестабильности из других регионов.

Поступательное и стремительное развитие Азиатско-Тихоокеанского региона предвещает кардинальные сдвиги в региональной архитектуре политико-экономических связей, способные изменить глобальную геополитическую конфигурацию. Одну из ведущих ролей в этом процессе, бесспорно, играет материковый Китай, который уверенно и последовательно добивается расширения своего влияния в регионе.

В этой связи, рассматривая КНР через призму роста ее ВВП, можно упустить из виду нечто более существенное: неизменно упирая на специфику страны, Пекин нащупал более продуктивный и универсальный мирохозяйственный и внешнеполитический курс для крупных и в то же время относительно отсталых стран в современных условиях. Выдвинув концепцию многополюсности на основе пяти принципов мирного существования (а по сути – идею сосуществования локальных цивилизаций) и упорно отстаивая ее на международной арене, Китай тем самым выступил как концептуальный, альтернативный западной модели полюс развития. В соответствии с идеей многополярности китайские исследователи утверждают, что новый миропорядок будет коренным образом отличаться от прежнего, так как это будет единство взаимосвязей и взаимовлияния нового «миропорядка» и новых «региональных порядков». В этом смысле Китай, соответствующий всем геополитическим критериям региональной державы, склонен и, главное, способен играть в начале XXI в. роль естественного центра притяжения для окружающих его стран и народов. КНР еще не лидер, но его лидерский потенциал возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антияпонские акции протеста охватили 85 городов Китая [Электронный ресурс] // Взгляд [Официальный сайт]. 17.09.2012 г. URL: <http://vz.ru/news/2012/9/17/598405.html> (дата обращения: 25.09.2012).
2. *Басманов Е.* Китай выдал развивающимся странам больше кредитов, чем ВБ // РБК daily. 2011. 19 янв.
3. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны-2008. Пекин, 2008.
4. Бурный саммит [Электронный ресурс] // Expert Online [Официальный сайт]. 19.07.2012 г. URL: <http://expert.ru/2012/07/19/burnyj-sammit/> (дата обращения: 27.08.2012).
5. *Ван Сяоминь.* Экономические особенности развития АТР [тэй ди цю цзин цзи фа джань дэ тэ даянь] // Дандай ятай. 2004. № 1.
6. Военно-политические проблемы и вооруженные силы КНР. М., 2004.

7. *Десягин М.* Глобальная неустойчивость и тоска по апокалипсису // Крах доллара. М., 2000.
8. *Джан Вэньлин, Джао Цзанлинь.* Развитие регионального сотрудничества в АТР [ятэй цюй-юй хэцзо дэ фаджань] // Дандай ятай. 2003. № 5.
9. *Каменнов П.Б.* Военно-промышленный комплекс КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 50–60.
10. *Кистанов В.О.* Нарастающее противостояние между Токио и Сеулом // Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2012.
11. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
12. *Колдунова Е.* «Азиатские тигры» и стратегический курс США [Электронный ресурс] // Деловой саммит АТЭС-2012 [Информационный портал]. URL: <http://www.apec-seo.com/analitika/732/> (дата обращения: 15.08.2012).
13. *Ли Бэньхэ.* Цюаньшюхуа дэ дочжун инсян юй вого ин цайцю дэ дуйцэ [Многостороннее влияние глобализации и ответный курс, который следует принять нашей стране] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2000. № 10.
14. *Ли Сан-Ок.* Меняющийся порядок в Восточной Азии: взгляд Кореи // Экспресс-информация ИДВ. Вып. № 1. М., 1992.
15. *Ли Сяо, Дин Ибин.* Формирование валютной системы Восточноазиатского региона: необходимость, возможности и выбор путей развития // Северо-Восток КНР в системе экономического развития Северо-Восточной Азии. Вып. 16. М., 2001. С. 35–87.
16. *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая в «ближнем круге». Модель 2010 // Обозреватель-Observer. 2011. № 5. С. 65–78.
17. *Мамонов М.* «Возвращение» США в Азию // Новое восточное обозрение. 2012. 4 сент.
18. *Молодяков В.* Япония – Китай – войны не будет, шоу продолжается [Электронный ресурс] // ЦентрАзия [Информационный портал]. 18.09.2012 г. URL:<http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1347944340> (дата обращения: 20.09.2012).
19. *Островский А.* Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 23–32.
20. Пекин боится, что меры по спасению американской экономики ударят по Китаю [Электронный ресурс] // Newsru.com [Информационный портал]. 24.03.2009 г. URL: <http://www.newsru.com/finance/24mar2009/china.html> (дата обращения: 05.08.2012).
21. Синьхуа. 2008. 15 янв.
22. Эксперт. 2006. 11 дек. № 46.
23. America's Pacific Century. Remarks by U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton at the APEC Summit, November 10, 2011 [Electronic resource] // U.S. Department of State [Official website]. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.htm> (accessed: 05.09.2012).
24. *Blumenthal D.* Get Serious about China's Rising Military // The Washington Post. May 25, 2006. P. 29.
25. *Breslin S.* Decentralization, Globalization, and Chinese Partial Re-engagement with the Global Economy // New Political Economy. 2000. Vol. 5. № 2. P. 205–226.

26. *Capling A., Ravenhill J.* Multilateralising Regionalism: What Role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? // *The Pacific Review*. 2011 (December). Vol. 24. № 5. P. 553–575.
27. *Chen Fengjun, Qi Jianhua.* Новый регионализм и восточноазиатское сотрудничество [Xin diqu zhuyi yu dongya hezuo]. Beijing, 2007.
28. *Clinton H.* America's Pacific Century // *Foreign policy*, November 2011.
29. *Jian Junbo.* China Says "No Thanks" to G-2 // *Asia Times*. May 29, 2009.
30. *The Military Balance 2004–2005.* L., 2004.
31. *Peng D.* The Changing Nature of East Asia as an Economic Region // *Pacific Affairs*. 2000. № 2. P. 171–191.
32. *Sheng Lijun.* China-ASEAN Free Trade Area: Origins, Developments and Strategic Motivations. ISEAS Working Paper: International Politics & Security Issues. Series No. 1(2003) [Electronic resource] // *Institute of Southeast Asian Studies* [Official website]. URL: <http://www.iseas.edu.sg/ipsi12003.pdf> (accessed: 26.08.2010).
33. *SIPRI Yearbook 2011.* Stockholm International Peace Research Institute: Stockholm, 2011.
34. *Toshio W.* The Formation of a Self-supporting Cycle of Structural Transformation in East Asia // *Japan Review of International Affairs*. 1995. Vol. 9. № 3. P. 241.